

Альбина Кондратьева

ТИТАНОВЫЙ

ТОРЖ

12+

Альбина Кондратьева

Титановый город

«Автор»

2022

Кондратьева А.

Титановый город / А. Кондратьева — «Автор», 2022

В «Титановом городе» живут только мужчины. Не покладая рук, они работают на заводе и ничего не знают о существовании женского пола. Они верят, что человек рождается из Лона Природы, и стремятся вернуться в свой истинный дом — в космос, к которому в томлении взывает их душа и тело. Всё меняется, когда на территорию завода попадает Наташа Матвеева. Станет ли она для них врагом или спасителем?

© Кондратьева А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. «Космодом»	6
Глава 2. Титановый город	14
Глава 3. Эксперимент рушится	23
Глава 4. Магия народа Воды	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Альбина Кондратьева

Титановый город

Уфа – 2021г.

Глава 1. «Космодом»

1 мая 2066 г.

– Наташа, переключи на радио, новости начинаются! – крикнул мне отец, стараясь перекричать рёв автомобильного двигателя нашей Лады «Элита». Как и все отечественные электрокары, она гудела и ревела, когда разгонялась до больших скоростей.

Я отключила от автомагнитолы телефон, через который слушала музыку, и прибавила громкость приёмника:

«... к региональным новостям. Сегодня делегация ООН прибыла в Пермский край с целью посетить закрытый военный завод космического и ракетного оборудования “Космодом”. Завод принадлежит авиастроительной компании “Космодом” и немецкой компании “Эндекум-про” и выполняет космические заказы Роскосмоса вот уже почти 50 лет. Напомним, что в минувшую среду генеральный директор АК “Космодом” Николай Царицын согласился снять гриф секретности и принять у себя членов ООН с целью пресечь любые обвинения в нарушении пункта соглашения от 2023 года “О запрете атомной промышленности”...»

Мой отец, Матвеев Игорь Витальевич, был полковником ВВС. Десять лет назад он ушёл в отставку и начал инспектировать частные военные предприятия, работающие на государство. Он всегда был с головой погружён в карьеру, наверное поэтому мама в конечном итоге не выдержала и ушла от него. Но с тех пор как папа стал работать на «Космодоме», он, казалось, и вовсе забыл о нас. Приезд на майские праздники был первым его визитом к нам за последние полтора года. Однако и тут его выдернули на работу из-за этой проверки!

Представители ООН приехали на три дня раньше предполагаемого срока, и теперь десятки учёных, военных и гражданских тряслись по ухабам, чтобы добраться до самого таинственного военного завода России, пока с него временно сняли секретность и дали разрешение на визит.

– А если Царицын откажется взять меня на практику? – спросила я, прекрасно понимая, что директору сегодня будет не до меня. Но это была мамина идея, и отец, как всегда, не стал с ней спорить.

Я была студенткой второго курса Пермского политехнического университета. Прохождение практики на производстве было обязательным для успешной сдачи экзаменов, и мама считала, что отец просто обязан заняться этим вопросом или, по её словам, «внести хоть какой-то вклад в жизнь своей дочери».

– Конечно, он откажется, – усмехнулся отец, даже не глядя на меня. – Мы просто заполним отчёт по практике, составим характеристики или что там ещё нужно, и ты уедешь домой.

Я озадаченно посмотрела на отца: сфабриковать документы было против его принципов.

– А что ты хотела? Это закрытый военный завод, Наташа. Если бы президент не собирався успокоить ООН и лично не настоял на проверках, ни ты, ни кто-либо другой из гражданских никогда не оказались бы за его стенами.

Спорить с отцом было бесполезно, тем более подобный поворот событий только упрощал дело, поэтому я снова включила музыку на телефоне, и остаток пути мы ехали молча.

Наконец дорога свернула в сторону, мы миновали густую рощицу, и за ней нам открылся вид на «Космодом».

По рассказам отца я знала, что полвека назад здесь был полузаброшенный военный завод и десяток жилых домов вокруг него. Папа говорил, что основатели АК «Космодом» выкупили его и расселили жильцов. Теперь территория завода была обнесена таким высоким металли-

ческим забором, что невозможно было разглядеть, что находится за ним. Рядом не было ни одного живого растения, словно землю вокруг стен выжигали или чем-то опрыскивали.

– Полковник Игорь Матвеев с дочерью, – отец вышел из машины и просунул документы в узенькое окошко возле ворот.

Пока шла проверка, я с тревогой поняла, что мне почему-то совершенно не хочется заезжать внутрь. Эти тёмно-серые металлические стены напоминали неприступную крепость или тюрьму. И у меня холодок прошёл по спине при мысли о том, какие тайны они могут скрывать.

Но пути назад уже не было: отец вернулся в машину, а металлические створки ворот с глухим скрежетом раздвинулись, пропуская нас вперёд.

Поставив машину в крытый гараж, мы с папой направились к трёхэтажному зданию с высокими арочными окнами – главному корпусу, как я догадалась, потому что все остальные постройки были одноэтажными и имели менее презентабельный вид.

– Здесь я и работаю, – отец подтвердил мои догадки и кивнул двум охранникам, стерегущим дверь. – Девушка со мной, всё в порядке.

Мы вошли внутрь, и я очутилась в среднестатистическом российском госучреждении с мраморной отделкой, коврами и портретом президента в парадном холле. Сославшись на то, что времени в обрез, отец поспешно провёл меня в свой кабинет и, передав в руки секретарши, удалился.

– Меня зовут Вера, – представилась молодая женщина, поднимаясь из-за своего стола.

– Наташа.

– Чай, кофе?

– Нет, благодарю, – я проверила по телефону время: час десять. – Отец сказал, что на два запланирован фуршет с членами делегации. Но не сказал, приглашена ли я на него.

– Безусловно! – Вера достала из стопки бумаг листок. – У меня указано, что вы прибудете. Царицын настаивал на присутствии всех членов семьи руководства завода.

Я лишь недоумённо пожала плечами:

– Но зачем?

– Наташа, – Вера многозначительно на меня посмотрела, – вы же понимаете, все эти слухи вокруг радиации. Будь здесь опасно, никто не привёл бы на территорию завода своих детей! Так что и вы, и другие члены семьи – своего рода гарантия экологической чистоты.

«Космодом» обвиняли в подпольном производстве ядерных продуктов последние лет двадцать. И всё из-за повышенной секретности и закрытого доступа. Но, по словам отца, здесь был обычный ракетный завод, и, чтобы доказать это, Царицын открыл сегодня для делегатов ООН доступ в святая святых «Космодома». Судя по всему, он намеревался устроить для них показательное шоу.

– Понятно, – я скривилась при мысли о том, что я здесь как «гарант экологической чистоты», но мне совершенно не хотелось развивать эту тему. Отчего-то на душе снова стало тревожно, и, чтобы отогнать неприятное предчувствие, я раскрыла свой рюкзак и стала переодеваться к фуршету.

Сменив кроссовки на туфли, я надела бледно-розовое платье из nanoacetata – ультрамодной в этом году ткани. Волосы у меня были тёмно-русые, до плеч, с прямой чёлкой, и мне пришлось порядком повозиться, чтобы аккуратно уложить её. Едва я успела поправить макияж, как вернулся отец.

– Наташа, с собой ничего не бери. Сотовые телефоны тоже запрещены, – предупредил он меня. Надев поверх рубашки пиджак и причесавшись, папа повёл меня к парадному входу встречать делегацию ООН.

По коридорам, начищенным до блеска, уже вовсю сновали репортёры центрального канала, пока сотрудники службы безопасности проверяли на входе ещё одну группу иностран-

ных журналистов, а начальство завода нетерпеливо переминалось с ноги на ногу возле окон, высматривая, не едет ли кортеж.

Там же был Николай Александрович Царицын, высокий и подтянутый мужчина в годах. Около него стояла молодая жена с ребёнком на руках и два парня-подростка в тугих бабочках на шее, напоминающих удавку. Отец сразу же подошёл к Царицыну, сухо представил меня и уединился с ним в дальнем углу. Сам папа был невысокого роста, к тому же он сильно поправился с тех пор, как стал работать здесь, так что вместе они представляли довольно нелепую пару.

Следующие минут двадцать я не знала, чем себя занять, пока, наконец, не прибыла толпа из ООН. Журналисты и переводчики оттеснили меня к дальней стене, и я не слышала и не видела ничего, что происходило в холле, уже сомневаясь в том, что моя практика стоила того, чтобы приезжать сюда.

Дальше оказалось ещё хуже. Все направились в столовую, где начался фуршет, и я окончательно потеряла отца из виду. Мои попытки хоть что-то съесть тоже не увенчались успехом. Едва я взяла с подноса тарталетки, как ко мне подскочил журналист.

– Вы сотрудник «Космодома», позвольте узнать?

– Нет, нет, я дочь полковника Матвеева, – тарталетка титаническими усилиями была проглочена, потому что камера уже направлялась мне в лицо.

– Скажите, каково это – оказаться за стенами завода, о котором, вы, как дочь полковника Матвеева, наверняка многое слышали?

– Ну... я не знаю, это интересно, конечно... – в моей голове в этот миг, казалось, не осталось ни одной мысли. К счастью, от необходимости давать интервью меня избавила Вера. Она довольно грубо отшила журналистов и увела меня подальше от них.

– Ищут сенсацию, – женщина закатила глаза, – как будто заняться больше нечем, кроме как нашим заводом.

В какой-то мере я понимала журналистов. «Космодом» выпускал лучшие ракетные двигатели, и, как студентка технического университета, я часто слышала на лекциях о новейших разработках, которые используются на заводе, и удивительных рекордах, что ставят его рабочие на производстве. Половина моих преподавателей поставили бы мне автоматом пятёрки за все следующие годы в обмен на возможность оказаться сейчас на моём месте. Поэтому, несмотря на необъяснимый дискомфорт, который вызывало у меня присутствие здесь, мои глаза загорелись в предвкушении, когда Царицын пригласил всех, наконец, на экскурсию по производственным цехам.

Пройдя вереницу коридоров и преодолев с десятков громоздких металлических дверей, делегаты, журналисты и парочка таких же счастливиц, как я, попали в главный инженерный отдел завода. Царицын подвёл нас к окну во всю стену с табличкой «Механический цех», и нам открылась святая святых «Космодома». Прямо под окном начинались четыре ряда станков, связанных между собой конвейерными лентами, которым, казалось, не было конца и края. За ними работали десятки мужчин в ярко-синей форме с серебряной ракетой на груди, а также маленькие роботы, которые таскали за собой тележки с деталями.

– Вот уже более двадцати лет «Космодом» занимает лидирующее в своей отрасли место по объёму готовой продукции, – с нескрываемой гордостью объявил Царицын. – В этом немалая заслуга как наших российских учёных, так и немецких коллег из «Эндекум-про». Специально смоделированные инженерные станки и подготовка рабочих кадров не имеют аналогов во всём мире. Мы очень дорожим нашими разработками, поэтому никого не допускаем на территорию рабочих цехов. Очень жаль, что из-за этого нас обвиняют в укрытии жутких тайн.

Царицын улыбнулся делегатам, и те зачиркали ручками в своих блокнотах. Ответив на пару вопросов журналистов, он повёл нас в соседнюю комнату, где за таким же большим окном открывался вид на цех сборки.

– Вон он, красавец, – рядом со мной раздался восторженный женский голос, – ионный ракетный двигатель «Небо-18»!

Я вытянула шею, дабы разглядеть его, но не заметить двигатель было невозможно. На постаменте в самой середине цеха лежал наполовину спаянный трапециевидный аппарат метра четыре в диаметре и около десяти в высоту. Вокруг него, ни на секунду не останавливаясь, трудилось с дюжину роботов, припаивая листы обшивки, вкручивая и подгоняя по размеру детали. Людей в цеху не было: должно быть, они управляли процессом с безопасного расстояния.

Мы все молчали, поражённые размером двигателя, лишь журналисты отталкивали всех от окна, желая сделать кадр получше. Дав нам возможность полюбоваться, Царицын торжественно представил образец:

– Ионный ракетный двигатель «Небо-18». Он был использован на челноках, которые сопровождали межпланетные космические корабли. Роскосмос снабдил шестью такими «Юпитериус» и «Эриду», отправившихся изучать дальние рубежи нашей Солнечной системы. За последние двадцать лет больше тридцати землян на борту этих кораблей самопожертвенно покинули нашу планету. Они уже никогда не вернутся домой, их вклад в освоение космоса бесценен.

Осветив все положительные качества долговечного «Небо-18», Царицын провёл нас к складу с отходами, где представители ООН достали приборы и стали замерять уровень радиации, электромагнитного излучения, проводить химический анализ воздуха и ещё много чего. Папа и Царицын как-то загадочно улыбались всё это время. Наконец эксперты торжественно объявили, что все показатели в норме, и репортеры разочарованно вздохнули.

– Ну что ж, Игорь Витальевич, Николай Александрович, ведите тогда в отдел ракетных разработок, – деловито улыбнулась та же женщина.

– Нет, наш следующий пункт – литейный цех! – торжественно оповестил Царицын, и мы засеменяли по запутанным лабиринтам здания.

Окно, выходящее в литейный цех, было совсем маленьким, так что я топталась где-то при входе на смотровую площадку. Потом был ещё цех, где располагалась магнитмашина такой мощности, что она была способна под действием магнитных волн гнуть металлы высокой прочности под любым углом, и снова склады, где делегаты защёлкали своими измерительными приборами. Я же только дивилась тому, каким огромным был этот завод. Впрочем, отец озвучил, что он занимает около трёхсот тысяч квадратных метров, куда входят восемнадцать цехов, административное здание и жилой квартал для работников.

– Игорь Витальевич, – женщина сделала шаг вперёд, привлекая к себе всеобщее внимание, а я бросила быстрый взгляд на её бейдж: «Ольга Фролова – главный инженер РосАльянс, эксперт ООН по вопросам ракетостроения», – полковник, ведь вы отвечаете за государственную безопасность на заводе?

– Так точно! – шуточно отозвался отец, по-военному вытянувшись.

– Тогда что вы скажете об исчезновении четырёх ваших сотрудников два года тому назад?

– Не скажу ничего нового, Ольга Станиславовна, наши коллеги пропали не на территории «Космодома», мы не имеем отношения к их исчезновению и, увы, при всём нашем старании так и не смогли установить их нынешнее местонахождение.

– То есть теорию о том, что они собирали военную информацию для «Эндекум-про» и их убрала контрразведка, вы в расчёт не берёте?

– Конечно, нет! – отец покачал головой, а представители упомянутой организации недовольно уставились на Фролову.

Женщина натянуто улыбнулась и предложила Царицыну показать им жилой квартал и взять интервью хотя бы у одного работника завода.

– Сегодня у них сокращённый рабочий день по случаю праздника, – он посмотрел на часы на своём запястье, – не будем задерживать наших мастеров. В любом случае по плану у нас визит в музей завода.

Царицын подал Фроловой руку и открыл перед ней следующую дверь, а я наконец оказалась рядом с отцом.

– Ещё немного осталось, – прошептал он, беря меня под руку. – Все замеры, какие хотели, делегаты уже сделали, даже воду взяли на анализ. Журналисты попытают нас часок своими вопросами и уедут.

Я устало кивнула, чувствуя в глубине души лёгкое разочарование. Как и Фролова, я надеялась на самом деле попасть внутрь завода, а не наблюдать за всем из смотрового окна.

Едва я успела поделиться с отцом своими ожиданиями, как к нему подскочила невесть откуда появившаяся Вера, сообщила о прибытии какого-то груза из города, и папа скрылся в одном из поворотов. Я же пошла дальше, слишком поздно сообразив, что можно было уйти вместе с ним: вряд ли в музее меня ждало что-то интереснее ракетного двигателя. Как назло, Царицын вдруг остановился, показал пальцем на широкую трубу у нас над головой и громко заговорил.

С первых же его слов «а давайте я вам расскажу про вентиляционную систему» я поняла, что с меня хватит. Незаметно прокравшись по стеночке, я повернула обратно.

Не скажу, что я плохо ориентировалась, но и следопытом не была. Ответвлений в коридоре оказалось больше, чем я думала, и я уже шагнула было в поворот, в который ушёл отец, когда услышала шаги.

– Был приказ, запечатываем все двери, – услышала я мужской голос и зачем-то вжалась в стенку. Мимо меня со стороны, где находилась делегация, прошло двое парней в военной форме. Вскоре я услышала звуки закрывающихся дверей и их голоса, отдающие эхом:

– Триста пятнадцать, триста семнадцать заблокировано!

– Триста двадцать заблокировано...

Я огляделась вокруг себя. Сердце бешено колотилось, руки вспотели. В конце концов, можно было вернуться к делегатам, но я была уверена, что запомнила, куда свернул папа. На цыпочках я прокралась дальше и с силой потянула на себя единственную здесь дверь. За ней оказался узкий проход, заставленный стеллажами и коробками, с такой же металлической дверью в другом конце. Над ними обеими горели зелёные лампы, а значит, проход был открыт.

Я поспешила по коридору вперёд, но на полпути моё внимание привлёк ящик на стеллаже, доверху наполненный небольшими деталями размером с монету. Я уже видела их раньше, вот только где? Пытаясь восстановить в памяти обстоятельства, при которых это могло случиться, я вытащила одну из них. Шестиугольный плоский кусок металла и впрямь был похож на крупную монету, вот только в самой середине у него было одно круглое отверстие и ещё два неправильной формы ближе к краю. «Космосом» было выгравировано с одной стороны и «Моторный цех» с другой. Я вытащила другую деталь: на ней было написано «Литейный цех», а форма отверстий немного отличалась.

– Это ключ! – догадалась я.

Однако от мыслей меня отвлек скрип двери:

– Есть кто? – раздался мужской голос, должно быть принадлежащий одному из военных, совершающих обход.

Вместо того чтобы отозваться, я зачем-то спряталась за стеллаж. В руке у меня была горсть деталей-ключей, и я не хотела, чтобы меня застукали здесь, как воровку.

К счастью, этого не произошло. Дверь с шумом захлопнулась, в коридоре моментально стало темно, только зажглись две красные лампочки над каждой дверью, и глухой голос за стеной произнёс: «Триста тридцать два заблокировано!»

Моё ликование по поводу того, что офицер меня не заметил, очень скоро сменилось ужасом. Какая же я идиотка! Ведь он запер меня в этом коридоре с обеих сторон! Должно быть, двери были синхронизированы, но я-то этого не знала!

Я всё же бросилась к двери и застучала в нее – офицеры не могли далеко уйти. В ответ не раздалось ни звука. Я забарабанила ещё сильнее и позвала на помощь. Но по ту сторону снова тишина. Что было за второй дверью, я не знала. Только сегодня отец рассказывал мне, как один сотрудник забыл пропуск и, чтобы не получить прогул, перелез через забор. В конце концов его скрутила охрана, и всё закончилось увольнением. Меня уволить они не могли, но у отца явно будут серьёзные проблемы, если я окажусь в том месте, где гражданским быть нельзя.

Но деваться было некуда – другого выхода я не видела. Судорожно сглотнув, я неуверенно пошла в полумраке к противоположной двери. Однако она тоже была крепко заперта, и на мои сначала робкие, а затем и более требовательные крики никто так и не ответил.

Прошло уже точно больше часа, как я оказалась запертой в этом проклятом коридоре. К тусклому свету мои глаза давно привыкли, я уже раз десять сходила от одной двери к другой, дабы достучаться хоть до кого-нибудь. Всё было безрезультатно: надежды, что меня кто-то услышит и выпустит до того, как папа начнёт меня искать, становилось всё меньше.

Чтобы как-то скоротать время и успокоить тревожные мысли в голове, я снова стала перебирать детали в ящике. Среди ключей от токарного цеха, склада и даже больницы попала вдруг деталь без надписи с изображением четырёхконечной звезды. И тут меня осенило, где я уже видела нечто подобное. Около двух лет назад, когда отец только начал работать на «Космодоме», он принёс мне в качестве сувенира такую деталь.

– Альтерфлешка, – сообщил он, – нашёл в ящике своего стола.

Он протянул мне шестиугольник с изображением ракеты.

– Зачем это? – помню, без особого энтузиазма спросила я.

– Это ключ-блокиратор, используется на заводе. Бери, больше ничего принести не смогу, завод секретный, – отец неуклюже и словно в смущении пожал плечами.

Я куда-то забросила этот сомнительный сувенир, а отец с тех пор больше не появлялся. На этих выходных я увидела его впервые за долгое время. Папа всегда много работал, но прежде мы были близки с ним. Даже после того как они с мамой развелись, мы могли часами говорить с ним по телефону или гуляли, когда папа приезжал из командировок или со своих проверок. Но с тех пор как его назначили инспектором «Космодома», отца словно подменили. Звонки пару раз в месяц и онлайн-переводы на мою учёбу – вот и все наши взаимоотношения.

Я села на пол, прислонившись к стене, и тяжело вздохнула. Затем расстегнула цепочку на шее и продела в неё альтерфлешку со звездой. Мне хотелось сохранить её... хотя бы её. Обхватив колени руками, я устало закрыла глаза.

Сначала я не слышала ничего, кроме своего тяжёлого дыхания, но вскоре начала различать едва заметный свист.

Я прислушалась.

Источник звука находился за одним из стеллажей. Я подползла к нему на четвереньках и ощупала его содержимое, то и дело прикладывая ухо то к пыльной коробке, то к ведру с деталями. В какой-то момент я почувствовала, как мне в лицо подул ветерок.

Вентиляция! Вот оно, моё спасение!

Вспомнился обрывок рассказа Царицына, от которого я так удачно сбежала, о вентиляционной системе завода. Что-то о том, какая это огромная сеть, как чётко там у них всё продумано и что воздух туда попадает самый свежий. Что ж, будем надеяться, что вентиляция выведет меня на улицу!

Минут двадцать я освобождала стеллаж от его содержимого, пока вся эта груда металла не рухнула, чудом не пришибив меня. Эхо ещё долго стояло в воздухе, и я выждала минут пять в надежде, что шум привлечёт кого-то. Но, должно быть, заблокировав в этой части завода все двери, военные покинули её, либо вместе с делегатами «развлекались» в музее главного здания.

Махнув на них рукой, я потянула за решётку, но она лишь слегка накренилась. Благо в моей «темнице» было полно деталей и инструментов. Вспомнив сцены из боевиков, я соорудила рычаг и вскоре отковыряла решётку. Свист, который ранее привлёк меня, стал сильнее: должно быть, это работали воздушные насосы. Из вентиляции сразу подуло холодным воздухом. Хороший знак, беда только в том, что там стояла крошечная тьма.

Я тяжело вздохнула и решительно залезла в довольно-таки широкий и омерзительно пыльный туннель. Нащупывая воздух перед собой, я ползла, как слепая крыса в лабиринте, пока не уткнулась в преграду. Пошарив руками по масляным стенам и успев порядком испугаться, я, наконец, по сквозняку поняла, что туннель поднимается вверх. Выставив над головой руку, я поднялась почти в полный рост, неуклюже вскарабкалась на небольшой выступ и поползла дальше. Мысленно представила, какое чуждое существо я сейчас собой являю и в каком шоке будут все, а особенно мой отец, если я выползу из какой-нибудь стены в конференц-зале. Я похихикала, пытаясь таким образом приободрить себя.

Скоро я снова упёрлась в тупик: туннель повернул направо и потом всё время под небольшим углом уходил вниз. Меня так и подмывало сесть и скатиться, потому что колени сильно болели, я почувствовала, что порвала колготки, а руки были покрыты пылью и какой-то белой трухой... Стоп! Я вижу свои руки. Замерев, я пригляделась: слабо, но я различила свои ладони, стены вентиляционного прохода и альтерфлешку, болтающуюся на шее. Это был хороший знак – значит, выход уже рядом. Скоро я повернула налево и вскрикнула от неожиданности: метрах в пяти со дна вентиляционного прохода поднимался свет, и до моих ушей донёсся гул какого-то работающего двигателя.

Я начала карабкаться из последних сил, добралась до края туннеля и свесилась вниз: прямо подо мной медленно катилась широкая конвейерная лента. Совсем как та, что мы видели в механическом цеху, только поменьше. До ленты было чуть больше метра. Куда вёл конвейер, я не знала, поэтому прыгнуть не решалась. А вдруг это прямая дорога в плавильную печь какого-нибудь литейного цеха?

Я уже набрала воздух в лёгкие, чтобы окликнуть кого-нибудь, как вдруг увидела такое, от чего дар речи потеряла.

Прямо подо мной по конвейерной ленте проплыла корзинка с младенцем. С младенцем! Я уж подумала было, что от долгого пребывания в темноте у меня галлюцинации, но где-то через минуту за ним последовал ещё один ребенок, потом ещё и ещё, и так без малого десять раз. Десять младенцев на конвейере ракетного завода!

Я, конечно, могла бы принять это за новый вид роботов, но передо мной явно были живые малыши, завернутые в пелёночки. У всех у них были закрыты глаза – должно быть, дети спали, но я видела, как кто-то из них ворочался во сне. Будь они андроидами, зачем нужно было бы кутать их в пелёнки?

Это было очень странно... Так странно, что я даже не заметила, как лента остановилась. Не знаю, что вдруг на меня нашло, но я восприняла это как знак и, неуклюже вывернувшись в коробке вентиляции, прыгнула на мягкую резину. Я снова оказалась в туннеле. С той стороны, откуда младенцы въезжали на ленту, была тёмная арка, с другой стороны – такая же, но из неё шёл яркий свет. До меня вдруг донёсся детский плач и гул чьих-то голосов.

– Можешь закрывать, – услышала я неожиданно со стороны тёмной арки и, решив, что меня сейчас снова запрут в ловушке, быстро ринулась к свету.

Глава 2. Титановый город

За аркой конвейерная лента продолжалась, а вокруг неё был низкий полупрозрачный туннель, из-за которого я так и не могла понять, где нахожусь. Я всё ещё не решалась выбраться наружу, потому что на другом краю ленты стояла последняя корзина с младенцем. Наконец двое мужчин бережно подхватили её и унесли. Туннель был такой низкий, что мне снова пришлось ползти на четвереньках. Едва я доползла до края конвейерной ленты и выглянула наружу, жмурясь от яркого солнечного света, как за моей спиной с глухим стуком закрылся люк. Что ж, обратно мне и не нужно, я наконец выбралась из своего заточения!

К счастью, рядом с конвейерной лентой уже никого не было. Когда мои глаза привыкли к свету, я увидела невысокие бетонные дома вокруг, а слева – огромную площадь, битком набитую людьми. Оттуда раздавались восторженные голоса, и иногда я слышала детский плач, который тонул в одобрительных возгласах и аплодисментах. За площадью стояло кирпичное здание с высокими окнами, и я обрадовалась, приняв его за главный корпус «Космодома», но вовремя успела спохватиться – здание было выше, а с последнего этажа в обе стороны тянулся навесной мост. Справа мост соединялся с серым зданием из бетона, а слева – с высокой металлической стеной, точно такой же, что окружала всю территорию «Космодома». Металлическая стена была и за моей спиной – туннель с конвейерной лентой выходил прямо из неё, и я совершенно запуталась в том, где нахожусь.

– Земная твердь! Как ты сюда попал?

Я подскочила от неожиданности. Прямо передо мной, откуда ни возьмись, появились двое парней. Оба смотрели на меня во все глаза с открытыми ртами.

– Кто ты? – наконец, один из них пугливо приблизился ко мне, разглядывая моё чумазое лицо. – Как ты сюда попал, ты ведь уже совсем взрослый?!

Я не успела ничего ответить этому странному незнакомцу. Парень резко обернулся и чуть ли не запихнул меня обратно в туннель. И, надо сказать, вовремя: из-за угла вышел мужчина в чёрной форме с серебряным жетоном на груди. Он выглядел как охранник и вид имел самый суровый, так что мне совсем не захотелось попасться ему на глаза. Когда мужчина медленно прошествовал мимо и скрылся за поворотом, двое парней снова заглянули в туннель.

– Ты оттуда, откуда берутся дети? – громким шёпотом спросил один из них. Я решила, что ослышалась. Что за бред он несёт?

– Я должен был бы сдать тебя десятнику, – признался он, оглядываясь на поворот, в котором скрылся мужчина в чёрной форме, – но я тебя спрячу, если расскажешь, кто ты такой.

Что за «десятник»? Что за глупые вопросы? Всё это было похоже на розыгрыш, но в любом случае мне не хотелось оказаться в руках у этого десятника, поэтому я подошла ближе и внимательно оглядела парней. Тот, что разговаривал со мной, был высоким и худощавым с пронзительными синими глазами и светлыми волосами, а его друг – упитанный черноволосый юноша с кавказскими корнями, судя по лицу.

– Что я должна тебе рассказать? – недоверчиво спросила я.

Парни переглянулись, и первый, наклонившись ко мне, шёпотом спросил:

– Знаешь, откуда на самом деле берутся дети? То есть я, конечно, знаю, что они появляются из Арки Рождения, – поспешно добавил он, кивнув мне за спину, – но...

Парни снова переглянулись.

– Ты ведь точно оттуда пришёл? – уточнил черноволосый, недоверчиво изучая моё грязное лицо.

– Оттуда... – растерянно произнесла я и тут же вздрогнула, потому что люди на площади радостно вскрикнули.

– Они расходятся!

– Идём, – первый парень решительно схватил меня за руку и потянул за собой.

Мы бросились в противоположную сторону от толпы и спрятались в проулок меж домами.

– Ты точно пришёл из Арки? – ещё раз с нажимом спросил он, и я кивнула. – И ты знаешь, откуда берутся дети?

– Конечно! – раздражённо ответила я, снова ощущая, что меня разыгрывают.

– Ты расскажешь нам? – парень был всё так же серьёзен.

– Да.

– Тогда побежали, твой костюм может привлечь слишком много внимания!

Черноволокный юноша первым добрался до конца проулка и выглянул из-за угла, чтобы проверить, чист ли путь.

– Я догоню, бегите! – крикнул он, махнув нам. Второй парень с силой сжал мою руку, и мы помчались со всех ног по узким улицам меж серых домов.

Когда я уже окончательно потеряла счёт одинаковым пятиэтажкам, мы наконец вошли в подъезд жилого дома, только чудом не попавшись никому на глаза. Миновав четыре лестничных пролёта, парень достал из кармана электронный ключ, и мы с ним оказались в небольшой комнате с номером 414 на двери.

– Это мой дом, – проговорил он и уставился на меня во все глаза.

Я уже пожалела, что так легко позволила этому чудаковатому незнакомцу увести меня с собой. В голове пронеслась мысль позвать на помощь и попытаться сбежать, но он не запер дверь, и это меня немного успокоило.

Парень смотрел на меня так, будто я была каким-то неземным существом, и, казалось, временно потерял дар речи. Это смущало, поэтому я отвернулась и принялась разглядывать незамысловатое убранство комнаты. Справа от входа была кабинка душа с туалетом, дальше – кровать, стеллаж со шкафами вдоль другой стены. Слева был кухонный уголок с крошечным холодильником, окно и письменный стол.

– Это ведь жилой квартал работников завода? – меня неожиданно осенило. – Царицын ведь рассказывал, что на территории «Космодома» есть жилые кварталы.

– Ну да, – парень как-то неопределённо пожал плечами, – я, конечно, ещё не работаю на заводе... Учусь... Меня зовут Гелиорд, я забыл представиться.

– Наташа, – промямлила я, и парень неожиданно схватил меня за обе руки. Я попятилась назад, пытаясь вывернуться, но тут в дверь постучали.

– Входи! – произнёс он, и на пороге показался его черноволокный друг, а я наконец выпуталась из рук Гелиорда. – Дардин, это Наташа.

– Наташа, – поправила я его.

– Да, прости, его зовут Наташа! Наташа, это Дардин!

Я снова хотела поправить юношу, что не «его зовут», а «её зовут», но Дардин неожиданно тоже подскочил ко мне и схватил за обе руки. Каким-то загадочным всё тут было: младенцы в люльках, Арка Рождения, «десятники», странное обращение, а вот теперь ещё и рукопожатие...

– Что он сказал? – Дардин жадно впился в нас взглядом и затворил дверь.

– Мы ещё не успели поговорить, – пояснил Гелиорд. – Наташа, расскажи нам, кто ты такой?

Я тяжело вздохнула. В голове промелькнула мысль, что они оба умалишённые и что стоило всё-таки обратиться к охране, пусть даже к какому-то «десятнику» в странном облачении. Я медленно подошла к окну и выглянула наружу: мрачный переулок и такой же серый дом напротив; двое мужчин шли по тротуару, о чём-то беседуя; на обоих была синяя форма и серебряная ракета на груди.

– Ребята, вы сами-то кто такие? – мысль о том, не психи ли эти двое юношей, вдруг всерьёз меня беспокоила.

– Мы с Дардином... – Гелиорд растерянно взглянул на друга, – обычные люди из народа Небес, которым было суждено родиться и жить здесь, на Земле, в Титановом городе, нашем временном пристанище. Сегодня нам исполнилось 19, мы учимся в институте. Я буду работать в инженерном отделе, а Дардин – на заводе в литейном цеху.

– Я знаю про этот завод, про «Космодом», – пояснила я, – была сегодня даже в каких-то цехах вместе с делегацией ООН...

– Чего? – Дардин вытаращил на меня глаза.

– А, вы не знали? Сегодня из Москвы приезжала делегация ООН, проверяла, всё ли тут законно на заводе, нет ли радиации и прочее.

Я пожалала плечами, но оба парня смотрели на меня так, будто ни слова не поняли из моего рассказа.

– Вы не понимаете? – наконец изрекла я, и ребята покачали головами. – А где ваши родители? Они должны быть в курсе.

– Кто? – тут подал голос и Гелиорд.

– Родители, – громче произнесла я, – мама и папа ваши где?

Меня уже стала бесить их тупость, но парни снова растерянно переглянулись.

– Я понял, – Гелиорд привстал, – ты приехал издалека?

– Ну, не особо – из Перми.

– Не знаю, где это, Наташа, но, видать, наши языки отличаются.

Я закатила глаза: что за бред!

– Ладно, ребят, это очень смешно! Вы мастерски меня разыграли, но меня отец ищет, и он, наверное, уже в панике, – я поняла, что начала терять терпение. – Как отсюда попасть в главный корпус?

– Куда? – хором спросили мои новые знакомые.

– В главный корпус! – рявкнула я. – Да хотя бы как за территорию города выйти...

– Наташа, – теперь уже Гелиорд посмотрел на меня как на слабоумную, – с территории Титанового города выйти невозможно, как невозможно и попасть сюда.

– Я же как-то попала! – я была на грани бешенства.

– Вот мы и хотим понять как, – подал голос Дардин. – Кроме младенцев, сюда никто не попадает! Это невозможно! Так устроена Природа!

– Какая ещё, к чёрту, природа! – я бросилась к двери, но оба парня встали на моём пути. – Да вы с ума, что ли, сошли?!

– Наташа, мы не сошли с ума, – очень спокойно и медленно произнёс Гелиорд. Кажется, он с каждым моим словом всё больше и больше убеждался, что это я ненормальная. – Успокойся, пожалуйста.

Я раздражённо вздохнула, но всё же постаралась взять себя в руки, хотя их слова о том, что с территории завода невозможно выйти, спокойствия не прибавляли.

– Не нужно так волноваться. За столетие, что наш народ живёт здесь, никто никогда не входил на территорию Города и не выходил с неё, – лишь усугубил мою панику Гелиорд, – только Городничий выходит за Большую Стену, чтобы совершить обмен товарами с народом Троп...

– Да ещё самые лучшие из нас иногда улетают Домой, – тяжело вздохнув, добавил Дардин.

– Поэтому мы очень удивились, когда увидели тебя в Арке Рождения, ведь оттуда могут появляться только младенцы, но никак не взрослые люди.

– Это невозможно! Так Природа устроена, – опять влез Дардин.

– Если Городничий или солдаты узнают о тебе, то могут и убить! – умозаключил Гелиорд, и по тону его голоса я поняла, что парень не шутит.

– Ну да, – подтвердил его опасения Дардин, – решат, что ты лазутчик из народа Теней или из народа Воды, что ещё хуже, – они как раз носят такие костюмы.

Гелиорд посмотрел на него, как на идиота, но Дардин лишь руками развёл:

– Так в книге написано!

– В сказке, Дардин, в детской сказке!

– Хорошо, – произнесла я наконец, пытаюсь найти хоть каплю здравого смысла в их словах, – я не из народа Теней или Воды или ещё откуда-то. Я просто из-за стены, понимаете. Мой папа тоже работает на этом заводе, только он очень большой начальник... Ну, сам он в цеху ничего не производит, а только...

– Мы знаем, кто такой начальник, – перебил меня Дардин.

– Ну так вот, – продолжила я, – мой папа тоже тут работает, и сейчас он меня ищет, потому что в эту вашу Арку я попала совершенно случайно... Это долгая история!

Я опять закатила глаза: всё было как-то слишком сложно...

– А этот Папа... Он что-то вроде наставника, что ли? – Гелиорд прищурил глаза.

– В каком-то роде да, – сдалась я.

– Может, позовём Тито? – предложил Гелиорд.

– А вдруг он сдаст его солдатам?

– А вдруг он всё-таки лазутчик? – шёпотом спросил Гелиорд, но я всё равно услышала.

– Ребята, я не лазутчик. Я клянусь вам...

Парни вздрогнули и уставились на меня во все глаза.

– Это очень громкое слово, ты знаешь, – нравоучительно произнёс Дардин. – Если сейчас ты солгал...

– Я знаю, Дардин! – я снова начала раздражаться. – Я сказала правду. Я не лазутчик! Давайте уже покончим с этим вопросом. И если уж вы такие мнительные, то почему сами не сдали меня солдатам?

– Ты ведь сказал, что знаешь, откуда берутся дети, – Гелиорд выглядел разочарованным. – Я подумал, раз ты появился из Арки, то знаешь об этом что-то... большее... Конечно, мы знаем всё то, что пишут о Рождении в книгах, – поспешно добавил он, – но... есть в этой истории какая-то недосказанность. Например, как дети вдруг...

Ему так и не удалось договорить: пронзительный звон наполнил всё пространство вокруг, и я зажала уши ладонями.

– Обещай мне, что никуда не уйдёшь... Я принесу тебе еды.

Он посмотрел на меня таким умоляющим взглядом, что я послушно кивнула. Парни закрыли за собой дверь, и я вновь оказалась взаперти.

В голове был полный сумбур. Где я? Кто эти парни? Как там папа? Он меня точно убьёт, и никакой практики мне не видать! Ещё бы, дочь полковника Матвеева через вентиляционную шахту пролезла в жилой квартал секретного военного завода! Меня вообще за такое могут засудить. К тому же меня беспокоила мысль, что я и в самом деле могу не выбраться отсюда живой. Одно лишь могло спасти ситуацию – если бы Гелиорд с Дардином всё-таки оказались сумасшедшими.

Я ещё раз окинула взглядом комнату парня. Мебель здесь была не новая, о чём говорили сколотые края столов и царапины на дверцах шкафа. Зато обои и ванная комната, напротив, казались недавно обновлёнными, да и коричневая краска на полу всё ещё сверкала гляncем. Я открыла и перетормошила кухонный шкафчик, но ничего, кроме посуды и банки с чайными листьями, не нашла. Стол был завален учебниками и тетрадями с лекциями по основам ракетостроения, черчению, физике и прочим дисциплинам, которые изучала и я в своём техническом институте. Пролистав пару конспектов, я не обнаружила ничего подозрительного. Не было в комнате ни ноутбука, ни других средств связи; вообще, кроме лампы и чайника, я не обнаружила больше электроприборов.

В туалете тоже ничего интересного: лишь гигиенические принадлежности. Я взглянула на своё отражение в зеркале и ужаснулась: волосы спутались и висели как пакля, на лбу и на подбородке какие-то чёрные разводы, тушь размазалась, платье всё в грязи и местами порвалось. Я поспешно умылась и, как смогла, распутала волосы пальцами вместо расчёски. Теперь хоть более-менее похожа на человека!

Оставалось осмотреть большой шкаф. Я прислушалась к звукам за дверью – тишина. Никогда ещё не рылась в чужих вещах! Я в волнении закусил губу: ну и поганое это занятие, но что поделаешь... Я попыталась оправдать себя тем, что от этого зависит моя жизнь, и открыла створки. И вновь ничего интересного – несколько вешалок с брюками и куртками, а внизу пара чёрных ботинок. В другом шкафу висел зимний комплект. Я вконец обнаглела, запустила руку в карман куртки и нащупала что-то металлическое, зацепившееся за подкладку. Не без труда я извлекла этот предмет: не может быть! Альтерфлешка с гравировкой в виде книги и надписями «Космодом» с одной стороны и «Школа» с другой. В двери что-то пискнуло, я судорожно сунула свою находку обратно и захлопнула дверь шкафа.

– Слава Небу, ты здесь! – счастливый Гелиорд поставил на стол контейнер с едой. – Я боялся, что ты уйдёшь. Ведь если тебе удалось оказаться в Арке Рождения, то, может, ты и сквозь стены можешь проходить...

Он говорил с такой искренностью, что я не удержалась и улыбнулась.

– Гелиорд, – мягко произнесла я, – давай поговорим очень честно друг с другом.

Парень молчал, не сводя с меня и без того честных глаз, пронзительно синих и немного наивных.

– Можешь поклясться мне, что будешь говорить только правду?

Он замер, открыв было рот, но, поколебавшись немного, дал клятву.

– А ты? – не заставила себя ждать его ответная просьба. Я снова улыбнулась и тоже поклялась говорить только правду.

После этого я почувствовала, как между нами исчезло какое-то напряжение. Гелиорд был очень милым парнем, высоким, с правильными чертами лица и благородной осанкой, и мне было грустно осознавать, что у него не всё в порядке с головой.

Он достал тарелки и выложил на них всё содержимое контейнера: рис, курица с золотистой корочкой и большой кусок ягодного пирога.

– У нас ведь сегодня праздник в городе, – пояснил он, – а ты, наверное, голоден.

Я с благодарностью кивнула; с того момента, как я наспех перекусила во время фуршета, прошёл уже не один час.

Какое-то время мы молча ели, точнее ела я, а Гелиорд только ковырял вилкой рис и не сводил с меня взгляда. Сначала мне кусок в горло не лез, но потом я поняла, что человеку, который, видимо, никогда не выходил за территорию завода, я на самом деле могла показаться пришельцем.

– Гелиорд, – снова произнесла я, когда он налил нам чай и я откусила кусок от своего пирога, – расскажи о себе.

Парень вздохнул и уставился в одну точку:

– Я родился из Арки Рождения первого мая ровно 19 лет тому назад, – начал он, – рос с девятью другими братьями сначала в яслях, потом в детском доме. Уже там нашим с Дардином наставником стал Тито, он учил нас вместе с воспитателями, следил, особенно за мной. Мне не все науки легко давались, но в математике я был силён, и он много со мной занимался. В позапрошлом году мы закончили школу, и мне удалось поступить в институт на инженера. Другим братьям повезло меньше, – смущённо добавил Гелиорд. – Как и все студенты, я работаю на Служении: мы с Дардином печатаем газеты в типографии. Вот это тоже я напечатал.

Гелиорд дал мне в руки одну из книг со стола. Это была детская сказка «Орли и волшебные сны». Мальчик на обложке держал в руках светящийся меч, а на заднем фоне были изображены люди в балахонах.

– Это о войне с народом Воды, – Гелиорд отчего-то смутился, и я вспомнила Дардина. Ну конечно, моё платье могло напомнить им эти балахоны!

– А что завод? – маленький робот на одной из страниц напомнил мне о сегодняшней экскурсии.

– Строим ракеты, – Гелиорд пожал плечами. – Конечно, многое приходится отдавать за еду, ткани и лекарства другим народам, но раз в десять лет команда космонавтов улетает Домой.

– Куда? – я оторвала взгляд от картинок в книжке.

– Домой, – произнёс Гелиорд и поднял взгляд вверх.

– А что там? – аккуратно спросила я.

– Дом, – улыбнулся Гелиорд, – наш Космос... Настоящий Космос, понимаешь, а не Титановый город, не это убогое пристанище! Разве ты не стремишься вырваться с этой ужасной планеты домой?

Я открыла было рот, но так и не нашла что сказать.

– Я очень этого хочу, – произнёс он и, тяжело вздохнув, опустился на кровать, – мне так душно здесь, так нестерпимо плохо... Особенно последние годы. Тито говорит, что это возраст, что потом я привыкну и смирюсь с этой земной тяжестью.

Парень неожиданно резко встал и достал из кухонного шкафчика небольшую коробочку. К моему удивлению, она была битком набита блистерами с таблетками. И как я не заметила её, когда рылась в шкафу!

– Что это? – я заглянула внутрь: на вид обычные белые таблетки.

– Гормоны, – пожал он плечами и опустил одну в рот, запивая водой, – забыл сегодня утром выпить в этой суматохе.

– Зачем ты их пьёшь?

– Говорю же, нам очень тяжело жить здесь, на Земле, а таблетки помогают, успокаивают.

Ну всё! Над ними тут проводят какие-то эксперименты, и меня точно живой не выпустят. Я опустилась на стул, пытаюсь хоть как-то уложить в голове мысли, но множество вопросов не давало мне этого сделать.

– Гелиорд, объясни мне, пожалуйста, то, что меня мучает с самого начала! – повысила я голос, и он испуганно на меня уставился. – Что за дети, что за Арка Рождения? Это были живые младенцы?

– Ну конечно, живые, что за вопрос? Люди рождаются из Арки Рождения! Это чудо Природы! Все это знают, Наташа, – он посмотрел на меня с лёгким укором и сомнением. – Каждый год Лоно Природы дарует нам десять детей!

У меня всё внутри горело от досады, и я смачно выругалась. Это же надо так человеку промыть мозг, что он будет верить в подобный бред и говорить об этом с такой гордостью.

– Но... ты в это не веришь? – озвучила я свое предположение.

Гелиорд смутился и опасливо покосился на дверь:

– Я верю, – начал он вполголоса, склонившись надо мной, – просто... Я чувствую... Словом, это немного странно, как будто это не вся правда. Мне интересно, как дети формируются, понимаешь, как становятся такими, какими мы их видим, как попадают в люльки... Я не понимаю ещё многого... Тито говорит, что с возрастом я найду все ответы.

– Угу, – кивнула я, – Гелиорд, а почему в Титановом городе дети не рождаются естественным путём?

– Естественным? – насторожился парень. – В смысле?

– В прямом. Ваши женщины что, бесплодны? – у меня закралось подозрение, что «Космодом» не такое уж экологически безопасное место и какое-то излучение здесь всё же есть.

Гелиорд наклонил в недоумении голову набок и спросил:

– Женщины? Что такое женщины?

Я не сумела подавить смешок, но Гелиорд и не думал улыбаться. Он смотрел на меня очень серьёзно и недоверчиво.

– Ну, женщины, девушки, – попыталась я перефразировать, – не знаю, самки!

Судя по не меняющемуся выражению его лица, информация до парня так и не дошла.

– Гелиорд, – мне вдруг стало жутковато, – ты издеваешься...

– Наташа, я не понимаю, о чём ты говоришь, – честно признался он.

– Хорошо... – я закусила костяшки пальцев. – В Титановом городе нет женщин?

Гелиорд пожал плечами и покачал головой.

– Ты даже не знаешь, кто такие женщины?

Тот же ответ.

– Ты сейчас говоришь мне правду?

– Да! – воскликнул парень. – Я ведь дал тебе клятву! Зачем спрашивать снова?

– Гелиорд, – я жестом остановила его возмущения, – кто я?

– Ты очень странный парень, Наташа! – со злостью проговорил он. – Я не хочу, чтобы тебя забрали десятники, но и разговаривать с тобой я тоже больше не хочу!

Гелиорд подскочил, сделал три больших круга по комнате и, наконец, направился к двери.

– Ты куда?! – воскликнула я.

– Ухожу, – мрачно пробубнил он, – сегодня наш день рождения вообще-то, братья ждут меня в баре.

– Ты опять меня здесь оставишь? – я кинулась за ним.

– Нет. Иди куда хочешь, – предложил он, распахивая дверь.

Я осталась стоять на месте, ощущая, как ком подступает к горлу. Серые стены за дверью напоминали больницу или тюрьму, и выходить в этот странный мир совсем не хотелось.

Хорошо это или плохо, но мне пришлось признать, что Гелиорд всё же нормальный, с головой у него всё в порядке, и то, что он говорит, для него и, видимо, для всех людей, живущих здесь, правда. И хотя всё это выглядело нереалистично, но во многом объясняло такую засекреченность «Космодома» – дело было не в запретных технологиях, а в эксперименте над людьми, и, как бы ужасно это ни звучало, судя по всему, эксперименте удачном.

Парень смотрел на меня хмуро и недовольно, ожидая, что я уйду. Если ему было так сложно меня понять, то что было говорить об остальных обитателях этого города? Я тяжело вздохнула, покачала головой и развернулась обратно. Гелиорд с шумом захлопнул дверь, а я упала на кровать, не в силах сдержать слезы.

Глава 3. Эксперимент рушится

Кабинет Царицына

– Двадцать четыре миллиона человек! – Николай Царицын рвал глотку, глядя на Матвеева. – И сколько ещё жизней можно спасти! Подумай об этом! Когда Надя умерла, я сыновьям поклялся, что найду способ излечить «акулу»! Да пойми ты, мы с тобой равным счётом ничего не сможем изменить, все решения уже приняты, и ты это знаешь!

– Я не прошу отменить эксперимент, я говорю лишь о переносе даты, Коль, – покачал головой Матвеев.

– Невозможно! – Царицын потряс руками перед своим лицом. – Пока мы развлекали ООН, младенцы были благополучно доставлены в город. Никто ничего не заметил, как я и говорил. Что вдруг с тобой случилось?

– Ничего, – мужчина тяжело вздохнул. Признаться, что он уже четвертый час не может найти Наташу, было непросто. – Можно ли этим медикам доверять?

– Это военные врачи, специалисты по генной инженерии. Да они столько всего знают и столько всего видели, что наш с тобой маленький эксперимент для них как бунт в детском саду!

Матвеев не стал больше спорить. Он пожелал Царицыну доброй ночи и поспешил в свой кабинет в надежде, что Вера обрадует его новостями о Наташе. Но она лишь развела руками: никто ничего не видел.

Игорь Витальевич попросил кофе, отпустил секретаршу, а сам направился к охранникам, дабы просмотреть записи с камер наблюдения. Где-то Наташа должна была объявиться, не провалилась же она сквозь землю!

Комната Гелиорда. Следующий день

Я проснулась со слабой надеждой, что окажусь дома. Но узкая кровать и голубые обои в полоску не подтвердили моих ожиданий. Хлопнула дверца ванной комнаты, я приподнялась на локте и чуть с кровати не упала: Гелиорд, видимо, вышел из душа и теперь расхаживал по комнате в чём мать родила (в данном случае Арка Рождения). Я бы, конечно, возмутилась, но сейчас только глазами хлопала спросонок.

– Это хорошо, что ты проснулся, – по его тону было ясно, что Гелиорд всё ещё не в духе, – я ухожу на учёбу. Еду тебе принёс.

Я с трудом перевела взгляд на контейнер на кухонном столике.

– Вернусь после обеда, – он наконец оделся. – Кстати, я не помню, чтобы разрешал тебе спать на моей кровати! Когда я вернусь, то надеюсь услышать... – но Гелиорд не договорил, уставившись на меня во все глаза.

– Откуда у тебя это?! – воскликнул он и ломанулся ко мне через всю комнату. Я попыталась отмахнуться от его рук, но он схватил меня за плечи и дёрнул за цепочку на шее.

– Альтерфлешка? – растерянно произнесла я.

– Это... это... – но он вновь не договорил. Очередной сигнальный звонок огласил город, Гелиорд вздрогнул и поспешил к выходу.

Я, откровенно говоря, растерялась. Пришлось ещё раз заглянуть в шкаф с одеждой и достать из куртки Гелиорда подобную альтерфлешку. Гравировка «Школа» на значке Гелиорда говорила о том, что с её помощью он когда-то попадал на учёбу, а вот какие двери открывала моя альтерфлешка с четырёхконечной звездой, я не знала.

На спинке кровати я нашла чистое полотенце, зубную щётку и спортивный костюм, из которого Гелиорд, видать, вырос. Я тут же помчалась в душ, потом застирала всю свою одежду и с благодарностью надела свежую футболку и мягкие штаны. Позавтракав омлетом и фруктами, я и вовсе почувствовала, как улучшилось моё настроение. В конце концов, мне дико повезло с тем, что, оказавшись в Титановом городе, я встретила именно Гелиорда. Попади я в руки их властям, точно была бы уже трупом.

Полистав учебники по гидравлике и наномеханике, я натолкнулась среди прочих книг на детскую сказку: на обложке был нарисован маленький серый мышонок на колоске, и я открыла первую страницу.

Мышонок Винк вылупился из камня, и, пока он был малышом, другие мыши приносили ему зёрнышки. Но однажды они перестали это делать, и мышонок долго не мог понять почему. Он пошёл на гору Мышиный Хвост и оттуда увидел высоко-высоко в небе Месяц. Тот рассказал ему, что теперь он сам должен искать зёрнышки и кормить маленьких мышат, а самое главное, он должен собирать по всему полю сухие ветки и листья, и когда он наберёт их достаточно, то душа его сможет вырваться из тела и полететь высоко в Небо, где он встретится с Месяцем лицом к лицу и начнётся его бесконечное путешествие по Галактике. И Мышонок Винк очень обрадовался, ведь теперь он знал, зачем живёт.

Я прочитала сказку взахлёб за несколько минут и долго бы смеялась над сюжетом, если бы не знала сейчас, что люди по эту сторону стены реально верят во всё, что в ней написано.

Так вот в чём смысл существования для Гелиорда и людей, запертых здесь: обеспечивать жизнь ближних, без усталости работать и ждать смерти как долгожданного освобождения!

Я ещё долго сидела перед книгой, пытаюсь уложить это в голове. В мире Гелиорда не было женщин, а землю его народ считал ужасной и опасной планетой и мечтал улететь Домой, в Космос. Страшно было думать, что людей действительно можно было с рождения воспитать в такой искусственной реальности, поселить в их уме мысли, далёкие от тех законов бытия, по которым человечество жило вот уже столько тысяч лет. И ужасней всего было то, что эти искусственные ценности прижились. Неужели у человека нет своей природы? Неужели мы тоже машины, которые можно запрограммировать? Я вдруг вспомнила андроидов, которые сейчас так популярны, и меня передёрнуло. Нет! Не может такого быть!

Мне стало нестерпимо жалко всех этих мужчин, живущих с дырой в груди, поклоняющихся ракетам и отдающих себя работе на заводе вместо того, чтобы жить полноценной жизнью. Подгоняемый своей истинной природой, своим нутром, сейчас Гелиорд чувствует, что есть что-то большее, чем этот железный город, но скоро и он наглотаётся таблеток и начнёт верить только в Небо и Дом за облаками.

Я смахнула со щеки слезинку, только теперь мне было жалко не себя, а Гелиорда. Когда он придёт, я найду слова, которые нужно будет ему сказать, и на этот раз он меня поймёт.

– Как учёба? – я оторвалась от ещё одной детской сказки, когда он пришёл, – к счастью, на подоконнике их оказалось навалом.

– Нормально, – произнёс Гелиорд и протянул мне очередной контейнер с едой.

«Ммм, макарон с мясным гуляшом, почти такие же, как готовила мама. Ну вот, не так уж много между нами различий», – я закрыла глаза, вспоминая домашнюю еду.

– Ты... оттуда? – робко произнёс Гелиорд и кротко взглянул на небо. – Я должен сообщить городничему, я всё утро пытался это сделать, но не смог... Наташа...

– Гелиорд, – я схватила его за плечи и посмотрела прямо в глаза. – Послушай меня, на земле множество городов в разы больше вашего, там живут миллиарды точно таких же людей, как ты. Одни плохие люди просто решили сделать эксперимент, ты знаешь, что такое эксперимент?

Парень кивнул.

– Они поместили сотни младенцев за железную стену, напечатали все эти лживые книги, воспитали их по придуманной теории и заставили так жить. Просто чтобы посмотреть, что из этого получится, понимаешь? Ради эксперимента! А ещё вы работаете на их заводе! Полные энтузиазма и рвения сделать как можно больше деталей, которые принадлежат им, как и всё тут!

– Я не понимаю тебя, – ошарашено проговорил он.

Я опустила руки: а что, если он действительно не способен был меня понять? Что, если в его голове уже невозможно уложить новую информацию об устройстве мира и я для него как пришелец со своей запутанной теорией?

– Не хочешь выйти на улицу? – неожиданно предложил он.

Я посмотрела за окно – выходить было страшно, но от долгого пребывания в четырёх стенах у меня уже голова заболела, поэтому я согласилась и, накинув одну из курток Гелиорда, вышла вслед за ним из комнаты.

Я пожалела об этом почти сразу, как только мы вышли на улицу. Мне всё время казалось, что все смотрят только на меня. И несмотря на то, что на всех была практически одинаковая серо-голубая одежда и многие мужчины носили длинные волосы, я ощущала себя белой вороной.

Город был полон людей, все неспешно гуляли, беседовали между собой.

– Послеобеденный час, – пояснил Гелиорд, – мы стараемся гулять, хотя земной воздух и не особо полезен для лёгких, но солнечные лучи здорово питают. Эта планета враждебна к нам, целых полгода здесь дикий холод.

Я закусила губу, молча стараясь подражать походке Гелиорда и не глядеть по сторонам. Скоро мы пришли к высокому зданию, которое отличалось от бетонных построек. Оно было из белого кирпича с треугольной крышей, покрытой красной черепицей, с большим крыльцом и площадкой для детей, обнесённой забором.

– Ясли, – Гелиорд кивнул на здание, – и детский дом. Мы выросли здесь. Это сердце нашего города, его колыбель.

Видимо, как раз закончился не то урок, не то обед, потому что двери распахнулись и на площадку ринулась целая толпа мальчишек. Затем показался воспитатель и бросил ребятам мяч. Тут же поднялся галдёж, и мальчишки начали спорить, в какую игру сыграть. Дети поприветствовали Гелиорда, и он, подозвав одного из них, шепнул ему что-то на ухо. Мальчишка убежал и через некоторое время вернулся с молодым человеком с длинными светлыми волосами.

Юноши поприветствовали друг друга принятым здесь пожатием обеих рук и о чём-то оживленно заговорили, я же принялась разглядывать детей, играющих в баскетбол и голосащих на весь квартал. В них было столько живой энергии, столько радости, что в глубине души мне даже стало казаться, что их мир не так уж плох, раз я вижу столько счастливых детских лиц.

– Мы уходим, – неожиданно окликнул меня Гелиорд. Он выглядел разочарованным и чем-то расстроенным.

– Что случилось?

– Ничего, – он покачал головой. – Фёрус, мой друг, работает в яслях помощником воспитателя, он обычно разрешает мне посмотреть на младенцев, но в этот раз...

– Что-то случилось? – у меня холодок прошёл по спине.

– Сказал, что с одним из них что-то не так, – нехотя пояснил Гелиорд, – и теперь все дети на карантине.

– Что-то серьёзное?

– Я не знаю, Наташа, я хотел показать их тебе, – неожиданно признался он, – хотел, чтобы ты понял, почему я начал сомневаться, что их породила металлическая Арка... – он вдруг смутился. – Ведь у них больно уж нежная кожа.

У Матвеева

– Вера, запри дверь и задёрни шторы, – Игорь Витальевич сидел за столом в своём кабинете.

Трясушимися руками он вставил виртуальный диск в компьютер. Дурное предчувствие не покидало полковника со вчерашнего вечера, когда он приказал охране отдать ему все записи с камер наблюдения и наложил на них секретность.

– Вот, – Вера сразу же нашла Наташу на видео из холла во время приёма гостей.

Они пересмотрели кучу файлов с разных камер и несколько раз запутались в перемотке, прежде чем нашли нужный момент: коридор третьего этажа и фигура Наташи, отделяющаяся от общей массы.

Девушка скрылась за поворотом, затем двое солдат опечатали двери, и вскоре изображение на экране погрузилось во тьму.

– Кажется, здесь, – прошептала Вера полчаса спустя, когда они с полковником отыскивали нужный отсек и коридор третьего этажа.

– Если это та самая камера, – девушка кивнула на прибор под потолком, – то нам сюда.

– Верно, мы с тобой по этому коридору и прошли, – Игорь Витальевич достал электронный ключ и разблокировал дверь номер 332.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: здесь что-то случилось. Стеллаж в самой середине коридора был опрокинут и закрывал собой проход; груда ведер, железок, старых замков валялась на полу. Полковник зажёл фонарь и ахнул: вентиляционное отверстие так и зияло в стене чёрной дырой.

– Здесь есть следы, – обеспокоенно прошептала Вера, посветив вовнутрь фонарём.

– Неужели она полезла туда? – Матвеев вытер платком выступивший на шее пот. – Зачем только, глупая девочка! Что здесь стряслось?

– Не волнуйтесь, я могу залезть и проверить, куда ведут следы, – уверенно предложила девушка и, прежде чем полковник успел возразить, залезла в отверстие.

Вера ползла по Наташиным следам, оставленным на толстом слое пыли, пока не оказалась на широкой резиновой ленте конвейера. Небольшое помещение было полностью замуровано: глухие стены и две круглые двери с противоположных сторон. Какая-то череда коридорных ловушек – не иначе!

В Титановом городе

– Гелиорд, – мы опять оказались в его комнате, и напряжение от того, что мы не можем понять друг друга, вернулось, – давай заварим чай, и я попытаюсь тебе всё объяснить.

Парень согласно кивнул и налил в чайник свежей воды.

– Клетки... они делятся, – без особых прелюдий начала я свой рассказ, – из одной получается две, потом каждая из них делится пополам, и так может вырасти целый большой организм! Это называется размножение. И настоящее чудо природы то, что каждая клетка знает, как ей делиться и меняться. Какие-то из них становятся мышцами, какие-то – костями, какие-то – мозгом и т. д. Абсолютно всё живое рождается из одной клетки – это доказанный факт.

Гелиорд с сомнением посмотрел на меня.

– Вот, – я взяла его руку, – смотри! Вот здесь хорошо видно... Маленькие клеточки.

– Это клетки?! – воскликнул Гелиорд. Он наконец разглядел их у основания большого пальца. – Ты хочешь сказать, что всё живое появляется из такой крошечной точки?

Гелиорд фыркнул и отвернулся.

– А разве взрослый человек и младенец не отличаются? – спросила я, когда он вновь уставился на меня во все глаза. – Совсем крошечные дети вырастают в больших людей, так почему же ты не веришь, что из такой маленькой клетки может получиться младенец?

Гелиорд ничего не ответил, а лишь поджал губы.

– Конечно, не из каждой клетки появляются живые организмы, – осторожно продолжила я, – в теле каждого человека есть специальные клетки... ммм... для размножения. Эти клетки созревают годами к двенадцати. И с этого времени люди могут дать рождение другому человеку.

– Люди? – изумлённо воскликнул Гелиорд. – Хочешь сказать, мы сами делаем других людей?

Он рассмеялся, но я лишь кивнула в ответ. Не представляю, как ему всё объяснить и заставить поверить!

– Но ты не можешь сделать это один, и я не могу, никто не может! – я наконец нашлась что ответить, но, похоже, легче от этого не стало. Напротив, мы подошли к самому сложному вопросу. – Для этого нужно объединить клетки размножения, принадлежащие двум разным полам – мужчинам и женщинам.

Такой идиоткой я себя ещё никогда не чувствовала. Было ужасно неловко и всё время казалось, что Гелиорд сейчас засмеётся и скажет: «Розыгрыш! Вас снимали скрытой камерой!» Но этого всё не происходило.

– Ты и все люди в этом городе – самцы, мужчины. А от другого пола – от женщин – вас изолировали. Думаю, это очередной научный эксперимент. И всех животных в мире тоже по два пола, и все они размножаются, объединяя клетки друг друга! А то, что вам говорят про Арку Рождения, – это ложь. На самом деле всех вас родили обычные женщины!

Гелиорд нахмурился и сел на кровать.

– Я не верю тебе, Наташа, – изрёк он после долгой паузы, – хотя мне очень хочется верить. Даже сам не знаю почему. Но это не поддаётся логике.

– А то, что мышенок родился из камня, логике поддаётся?! – воскликнула я, хватая со стола детскую книжку.

– А как ещё он мог родиться? – тоже повысил голос Гелиорд.

– Мама его родила! Так же, как и тебя родила твоя мама, – голос дрогнул, и я сглотнула ком в горле. – Гелиорд, я поклялась тебе говорить правду, и готов ты это принять или нет, но Природа устроена именно так!

Гелиорд тяжело вздохнул и скрылся в ванной комнате. Конечно, для него было сложно всё это принять, и я начала сомневаться в том, что мне стоило рушить его мироздание. В конце концов, меня не покидала надежда, что папа вытащит меня отсюда. А значит, этот парень останется здесь совсем один, наедине со всем тем, что я ему только что сказала.

Я уже даже собиралась сказать ему об этом, но в дверь постучали, и в квартиру зашёл Дардин.

– Ну что? – он уставился на меня горящими глазами и затворил за собой дверь. – Что ты рассказал?

– Ничего, – к нам вышел Гелиорд и открыл дверь обратно, – уходи, Дардин.

Парень откровенно растерялся:

– Уходить?

– Он боится тебя, сам вот пытаюсь с ним найти общий язык, не мешай.

Гелиорд зачем-то соврал, ведь я не отказывалась говорить, да и Дардина не боялась.

Тот округлил глаза, как будто его посетила гениальная мысль:

– Может, позвать Тито?

– Нет! – раздражённо фыркнул Гелиорд и подтолкнул друга к двери.

– Будь осторожен, а вдруг он...

– Исчезни, Дардин!

Гелиорд запер дверь на замок и обречённо прислонился к ней.

– А как выглядят эти женщины?

Я тяжело вздохнула и постаралась произнести как можно мягче:

– Я женщина...

Спустя часа полтора мы сидели набывчившись в разных углах комнаты. Гелиорд пытался читать учебник, а я штопала дыру на платье.

– Нет, всё-таки почему?! – он с шумом захлопнул книгу. – Если я мужчина, а ты женщина, то почему...

– Хватит, – в очередной раз воскликнула я, – я тебе уже пятьсот раз объясняла почему! Всё намного сложнее, Гелиорд, ты как ребёнок, в самом деле!

– Пожалуйста, не волнуйся так, – чуть мягче добавила я, когда увидела, с какой силой он стискивает зубы, пытаюсь уложить в голове всё то, что я ему рассказала. – Вот ты дружишь только с Дардином, и у тебя есть масса причин на то, почему именно он твой лучший друг. Так вот и пару себе люди тоже выбирают очень тщательно.

– Я должен извиниться перед ним, – вздохнул Гелиорд, – и всё рассказать... И Тито тоже. А ещё я должен сделать эту кучу домашнего задания!

Он со злостью хлопнул кулаком по стопке учебников.

– И ещё ты должен сдать меня своему правительству, – закончила я за него и грустно улыбнулась. А весь оставшийся вечер думала только о том, кто стоит за всем этим чудовищным экспериментом.

Царицын явно был в курсе; это был либо его эксперимент, либо идея немецкого «Эндекум-про». Но правительство России, видимо, не знало, что здесь творится. Государственный инспектор, а в данном случае мой отец, специально был приставлен к заводу для того, чтобы следить за его работой и докладывать в министерство, если что-то идёт не так. И раз весь этот чудовищный эксперимент не всплыл, выходит, мой отец в этом тоже замешан! Я никак не могла в это поверить!

Глава 4. Магия народа Воды

Я очень долго сопротивлялась, но следующим вечером Гелиорд уговорил меня рассказать всё Дардину и Тито и привёл их к себе. Наставник парней был невысокий крепкий мужчина лет сорока с широким добрым лицом и азиатским разрезом глаз.

– Это ещё кто? – улыбнулся он мне. – Не припомню такого парня.

Гелиорд и Дардин переглянулись и рассказали наставнику о нашей встрече. Тито неодобрительно перевёл взгляд с меня на мальчиков и обратно.

– Не нравится мне это, – нахмурился он и скрестил руки на груди.

– Я знаю, Тито, но послушай же, что он рассказал мне вчера! И ты, Дардин, тоже.

Гелиорд кивнул мне, и я начала свою заранее подготовленную лекцию. Он даже нашёл где-то небольшую доску, и я рисовала мужчин, женщин, клетки и ещё какую-то ерунду часа два, пытаясь всё разъяснить моим ошеломлённым слушателям.

– Наташа, это всё, конечно, очень интересно, – произнёс, наконец, Тито после моего рассказа, – но неужели ты думаешь, что за столько лет мы бы не встретили никого из другого... другого пола?

– Да вас стережёт целая армия вооруженных солдат за высоченным забором с колючей проволокой, кучей датчиков движения, камерами видеонаблюдения. Комар не пролетит незамеченным! – воскликнула я.

Но Тито жестом попросил меня успокоиться:

– Наш городничий и командир Царицын контактируют с другими народами, мы торгуем с людьми извне – никто ничего подобного не слышал.

– Царицын? – я подумала, что ослышалась. – Вы знаете Царицына?

– Он живёт за стеной и занимается обменом нашего товара на лекарства, одежду и еду, – пояснил Тито. – Он очень рискует каждый день, чтобы нам было что есть. Путешествовать за стенами этого города опасно!

– Конечно, – фыркнула я, вспоминая дорогой костюм на директоре и его ухоженную молодую жену, – ходит в лохмотьях и недоедает, бедняжка! Поймите, Царицын не допускает утечки информации. Если он узнает, что я попала сюда, то прикажет стереть мне память или вовсе убить. И всех вас, возможно, тоже, потому что я проваливаю их эксперимент.

– Всех нас? – воскликнул Дардин. – Зачем же ты нам всё это говоришь?

– Вы сами попросили меня... А я поклялась, что расскажу правду.

– Мне уже пора... – Тито многозначительно посмотрел на Дардина. – Гелиорд, выйди на минутку.

Парень кивнул, и все трое скрылись за дверью.

Ну всё, Тито сейчас убедит Гелиорда, что я ненормальная, и они сдадут меня своей власти. Я прижалась лбом к оконному стеклу – голова болела от долгого нахождения в замкнутом пространстве, от всех этих споров и объяснений. Что же там делает папа? Догадался ли он, где я, и что сделает для моего спасения? А может быть, он вовсе и не станет меня спасать... Мысль о том, что отец причастен к такому издевательству над людьми, опять захватила меня.

Скрипнула дверь, и вернулся Гелиорд:

– Я верю тебе, – устало произнёс он, – вчера ещё сомневался, но сегодня понял, что ты говоришь правду, Наташа.

Он протянул мне руки в знак признания, и я пожала их, ощутив неожиданное облегчение.

– Тито настаивает на том, чтобы рассказать всё городничему, но я уговорил его подождать.

– Гелиорд, спасибо большое, – я устало улыбнулась, – давай будем спать, а завтра, глядишь, Тито и Дардин передумают, ведь тебе тоже сначала было сложно мне поверить.

Я успокаивала саму себя, но Гелиорд одобрительно кивнул и достал из шкафа матрас. Он его отыскал ещё вчера и «любезно» постелил для меня на полу. Затем швырнул в меня подушкой, попав прямо по голове, и мы немного сняли напряжение, устроив подушечный бой, пока он не сбил меня с ног и я не ударилась плечом.

– О! Прости, не думал, что ты упадёшь, ты такой слабый!

Я потёрла ушибленное место, а Гелиорд, рассмеявшись, скрылся в ванной. И уже позже, когда мы лежала в полной тишине и почти в такой же полной темноте, он неуверенно спросил:

– А твои наставники... Родители...

– Родители.

– Да, они найдут тебя и вытащат из нашего города?

– Я надеюсь...

– А можно я тогда тоже пойду с тобой? – робко спросил он.

– Я не знаю, Гелиорд, – прошептала я, – я уже ничего не знаю...

Кабинет Царицына

– Не понимаю, зачем тебе на территорию завода? – спросил Царицын у Матвеева. Он налил себе стакан воды и жестом предложил другу, но тот отказался.

– Хочу завершить инструктаж для городничего Сеффила, проверить главный компьютер...

– Инженеры ходили к главному компьютеру только в феврале, с ним всё в порядке.

– Коля, – Игорь Витальевич сделал шаг к Царицыну и зашептал, – ты же знаешь, через пару месяцев вирус распространится, и Титановый город будет закрыт для нас навсегда. Я должен побывать там последний раз!

Николай Александрович смерил его долгим взглядом и наконец согласно кивнул.

Вера ждала Матвеева в кабинете, в волнении ходя из угла в угол.

– Ваша бывшая жена звонила! Я отправила ей сообщения от вашего имени, как вы и просили, о том, что Наташу взяли на практику, – сообщила она, как только за Матвеевым закрылась дверь, – но она всё равно волнуется и хочет поговорить с ней сама.

Игорь Витальевич тяжело вздохнул и сел в кресло. Пока не было никакой возможности вытащить дочку из-за стены. А полковник не сомневался, что Наташа попала именно в Титановый город через Арку Рождения.

– Если бы вы рассказали мне, что там, может, я могла бы помочь, – робко предложила Вера, но Матвеев лишь покачал головой.

– Город закрыт, Вера, – наконец нашёлся он что сказать, – входить туда категорически запрещено. Как я объясню им, что ищу дочь? Тогда мне придётся признать, что она нарушила строжайшее правило, а я не углядел за ней.

– А вдруг там её уже нашли?

– Нет, – уверенно произнёс он, – мы бы знали, если бы в городе что-то случилось. Не знаю как, но Наташе пока что удаётся оставаться незамеченной.

– А почему город закрыт? – осторожно спросила Вера. Она работала на заводе уже больше года, но до сих пор даже близко не подошла к разгадке той тайны, что окутывала «Космодом».

– Секретные инженерные разработки, – ответил Матвеев заученной фразой.

– И что, работники даже в отпуск не выезжают?

– Они подписали долгосрочный контракт, – усмехнулся он, – лучшие умы и лучшие зарплаты. Именно благодаря им мы вот уже второе десятилетие впереди планеты всей.

– И как же нам выгнать Наташу?

– Я наведаюсь туда, у меня есть один план.

В Титановом городе

К моему великому облегчению, если не сказать удивлению, Тито и Дардин тоже мне поверили. Это очень обнадеживало – значит, даже такую искажённую картину мира несложно поменять. Тито заверил меня, что я могу выходить на улицу и вряд ли кому-то придёт в голову проверять мою личность. Понимая, что это всё-таки риск, на пятый день моего пребывания в Титановом городе я вышла из дома на тёплое майское солнце и даже сходила с Гелиордом в столовую.

Он уговорил меня рассказать о реальном мире ещё трём ребятам, своим братьям: двум близнецам, чьи имена я не запомнила, и Ярону. Оказывается, имена тут давались мальчикам в алфавитном порядке. Братья Гелиорда попали в группу от «Ю» до «З».

Мы сидели на нагретых солнцем ступеньках столовой, нежась в ласковых майских лучах. Я смотрела в небо, надеясь увидеть птицу или самолёт, но оно было прозрачно-голубым. Хотя Гелиорд признался, что и птиц, и непонятные длинные облака, рождающиеся из точки, они видят, как и мигающие звёзды в ночном небе. Но если самолёты они принимали за птиц, поднявшихся очень высоко и подающих пример народу Небес своим дивным полётом, то спутники и вовсе были для них братьями, достигнувшими Дома и шлющими им привет.

– В следующем году, когда нам исполнится двадцать лет, мы станем имениллами – это значит, что мы дадим имена новорождённым, – сообщил один из близнецов. —

Эта честь выпадает раз в жизни. Тито давал имя Гелиорду и позже стал его наставником. Так часто бывает.

– И какое имя придумал ты? – спросила я.

– О, это тайна. Я не могу говорить до церемонии Именилл. Только городничий услышит его, чтобы дать своё одобрение.

– Понятно, значит, вас рождается десять каждый год? И у каждого в этом городе девять братьев?

– Самый старший из нас умер ещё младенцем, мы не помним его, – поведал Дардин.

– А потом Белгорд заболел гриппом, и его забрали солдаты, что охраняют наш город извне. Говорят, они выходили его, и теперь он один из наших защитников, – с гордостью добавил Гелиорд, – так что здесь нас осталось восемь.

Я не могла не заметить, какие они все разные: казалось, что мальчиков привозят в Титановый город со всех уголков России. Среди горожан были кавказские и азиатские лица, и даже славянские типы отличались друг от друга, чего я прежде не замечала. Были и коренастые, и с вытянутыми лицами, и с широкими переносицами, смуглые от природы и бледные, с веснушками. Найти похожих друг на друга мужчин было практически невозможно!

– Мне кажется, младенцев к вам привозят не новорождённых, а как минимум полугодичных, – заметила я. – Кто-то из вас говорил, что на празднике Рождения городничий посадил малышей, чтобы народ смог лучше их разглядеть. Но новорождённые дети не могут сидеть! – у моей двоюродной сестры было трое детей, и кое-что о младенцах я знала. – Поэтому вам всем больше лет, чем вы думаете.

– А сколько тебе лет, Наташа? – спросил Дардин.

– Скоро будет двадцать, – ответила я и кивнула в знак приветствия идущему к нам Ярону, худощавому парню с высоким лбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.